

Погодин Р
миса

1985

Лит. Россия, 1985, Заб. ЧИТАЯ

РАДИЯ Погодина широко читателю представлять не надо — это имя достаточно известно. Писатель, чуткий к социальной проблематике, обладающий вкусом к слову... Понятен поэтому интерес к его новой повести «Дзерь», которая увидела свет в «Нэве» (№№ 1—2, 1985). Очевидно, надо сразу высказать свое отношение к повестям — признаться, не совсем понятен принцип ее построения. История жизни пожилого человека, научного сотрудника, история, которая начинается в традиционных реалистических «заходах», вдруг постепенно расплывается, размазывается, сернистый ветер чертовщины веет со страниц, обстановка дрожит и размывается как в колеблющемся зеркале, нормальный, на первый взгляд, человек, современник наш, бросается в мало объяснимые авантюры, потом его «голоса» преследуют, а кончается все банально... И поневоле начинаешь думать, что силы писателя расходовались на громоздкую литературную конструкцию по принципу «что выйдет, то и выйдет!».

Но даже не об этом хочется говорить сейчас. Может быть, моя оценка содержания и построения повести спорна. А вот о языке, о логике поступков персонажей, об авторской мотивировке поговорить необходимо.

«Хлопали, скрипели, чмокали бесконечные двери. Двери к начальству, двери в аптеку...» и т.д. Это, так сказать, двери вообще. А вот другие — мешающие герою осуществить его законное и такое обыденное желание, двери ограничивающие, запрещающие: «Иногда так хотелось пива. Но двери! Он боялся, что когда-нибудь какие-то жизненно важные двери не откроются перед ним и он, Петров, либо куда-то не войдет, либо не выйдет откуда-то. О том и речь». И еще один тип дверей — двери-надежда, двери-обещание. «Зрела в душе Петрова уверенность, что однажды он остановится перед дзерью, за которой ему откроется мир, неведомый и лучший».

Что же увидит читатель, открывая «дзерь» повести Р. Погодина? Сразу скажем, что, к сожалению, никакого «неведомого и лучшего мира» перед ним не предстанет.

Автор повести, его герои питают повышенную склонность ко всякого рода неожиданностям, парадоксальным суждениям, экстравагантным «выводам» — в явном расчете во что бы то ни стало ошеломить, поразить читателя. Вот почти без выбора маленький, ничего не

«Уплотнение» мыслей, или «Соевый шоколад» для читателей

значачий (действительно так!) диалог: «— Мещане — те, кто не слушает других». — «А немещане?» — «Это у кого клопы». Вам хочется спросить: «почему?» Не делайте этого, так как иначе вы рискуете получить ответ, аналогичный тому, который дает Зина, одна из героинь повести. На вопрос «зачем?» — зачем она пьет? — по ее мнению, «могут ответить только опыты и очень юные комсомолки...». Вот так, чтобы лишних вопросов не задавали.

Не меньшую, а даже, пожалуй, большую склонность писатель и его герои испытывают к теме, которую поэт называл таинственно и целомудренно — «про это». Но долой таинственность и целомудрие, сегодня они не в моде, а мы ведь такие современные, нам все можно, стоить ли стыдиться, «оголимся»... И оголяются. «Ну, давай, что ли, попробуем». — «Что попробуем, Гена?» — «Поженемся немножко», — поясняет героиня ее партнер. Еще одна героиня — массажистка Нюра открывает: «...когда я с этим «носителем» легла, нужно ведь когда-то становиться женщиной, я, знаешь, о ком думала, — о том Льве...».

Обращает на себя внимание то, с какой простотой и лихостью решаются здесь кардинальные жизненные проблемы, — и никаких тебе мук совести, никаких сомнений, не считая разве эфемерной «думы» о столь же эфемерном Льве.

С легкостью необыкновенной автор и его герои затрагивают темы, обсуждают «сюжеты», которые отдают пошлостью, режут слух откровенной, ничем не оправданной вульгарностью. Так, после первой брачной ночи жена Петрова, главного героя повести, упрекает своего «благородного» в том, что он «такой-сякой, сухарь, даже и внимания

не обратил, что она была девушка. А он и вправду не обратил. Его такие мелочи не интересовали...». Допустим, что героя не интересовали, но почему, извините, это должно интересовать нас, читателей?..

Яблоко от яблони недалеко падает, и вот уже сын Петрова, Аркадий, произносит тираду о своей матери, утешая отца: «— Истерику закатил? Не обращай внимания. У мамашек климакс. И заржал». А что же «папашен» (сознаемся: неологизм наш, — В. С.)? А ему, оказывается, «стало неприятно и плохо: все же воспитывали его, Аркашку, внушали что-то про птичек». А мы не верим — не так уж, видно, «неприятно и плохо» герою, если даже в такой момент он не упускает случая «пошутить» насчет внушения «про птичек».

Герои «ржут» и, надо полагать, хотят, чтобы вместе с ними «ржал» и читатель. «Если мидинетка — девушка на обещанный перерыв, то есть на короткий срок, то мажор...» — пытаются «рассмешить» нас толкованием слова «мажоретка», но, право, ничего, кроме неловкости, от всего этого не испытываешь.

Стилистика повести Р. Погодина подчинена задаче пародирования, высмеивания, вышучивания все и вся — так что порой кажется, будто автор пародирует уже как бы самого себя. Здесь в простоте не скажут и стилистическим «мажореткам», но, право, ничего, кроме неловкости, от всего этого не испытываешь.

че, как «в жерло пиджака», а затем выталкивает, «как раскаленное ядро». «Костя напомнил экскаватор с пневмоприводом» — и так без конца.

Логика и закономерность подобной стилистики таковы, что очень скоро борьба с красотой, псевдоромантизмом — что, видимо, входило в расчеты писателя — превращается в свою противоположность. «Попробуйте мысленно закрутить вокруг себя прозрачную сферу, — говорится в повести. — Пусть покрутится... И он начал закручивать вокруг себя сферу. Не получилось... Потом что-то замешкало вокруг него синей прозрачной спиралью. «Сфера», — догадался Петров». В другом месте все тот же Петров «увидел себя в черной мантии Лондонского Королевского общества естествоиспытателей и королеву Елизавету Вторую в атласе цвета фрез...». Далее следует «беседа» Петрова с Елизаветой. Шутка, конечно, розыгрыш, но что-то очень уж много шуточного, ненастоящего, придуманного в жизни героя.

Вращающиеся «сферы», черная мантия, сверхъестественные перевоплощения, общения с духами. Чего еще не хватает? Пожалуй, смеющегося черепа. Есть и череп. «Череп был темн... От него веяло тысячами бед. Висок у него был пробит. Голые челюсти, казалось, смеялись...» Черепу дали имя — Мымрий... «У меня такое чувство, — говорят Петрову, — что он (череп, — В. С.) отзывается...» Жуть, да и только! То разговорчики с королевской особой, а теперь еще и с черепом. Мало этого — когда череп исчезает, Петрову начинает казаться, что «с исчезновением Мымрия предметы в комнате уплощились, мысли его уплощились, и возникла некая рав-

новесность во всем, — симметрия». Вот как выражаются современные авторы и их герои. Тут уж и не поймешь — что в шутку, а что всерьез.

«Равновесность»? «Симметрия»? Не знаем, не знаем... А вот насчет «уплощения» мыслей и прочего — это, пожалуй, верно. Да вот хотя бы еще одна цитата: «Мухи жужжат. Петров прочитал, что если бы потомству мухи, народившемуся в течение лета, удалось выжить всему целиком, то оно могло бы вытянуться в линию от Земли до Луны». Чем не образец «уплощения» мыслей? Или как иначе можно назвать бравирование всякого рода вульгаризмами, откровенными ругательствами, которых немало в повести? Вот лишь некоторые из них: «я тебя, сучонок, поймаю. Я с тебя шкуру сдеру, как с воблы» и т.д. И, наконец, прямо-таки виртуозно-экзотическое: «открывай рот шире, хиизмот» (!) Да, велик и могуч русский язык, он все вынесет; но зачем же с ним так?

Тут будет, как говорится, уместно заметить, что герои и с ними автор порой довольно рискованно высказывают различные задиристые, энергичные суждения, явно забывая о принципе бумеранга. И напрасно. Ну, вот, например, один из персонажей «Дзери» (возможно, не без сочувствия автора) всю нашу фантастику считает «чем-то вроде соевого шоколада». Не будем спорить по существу, но позвольте спросить — вот он, закон бумеранга — как же тогда называть все эти рассуждения о мухах, которые могли бы вытянуться в линию от Земли до Луны и тому подобные «откровения»? Пусть читатель ответит на этот вопрос сам.

Можно было бы понять, если бы перед нами было произведение начинающего, неопытного литератора. Так нет же, Радий Погодин — писатель, умудренный годами работы в литературе, на его счету есть интересные книги. Значит, приходится согласиться, что постигая автора неудача — случайность; как ни обидно, но в литературе от этого не застрахован никто. И все же, думается, куда более важно осознать другое: случайный неизбежно становится закономерным, если писатель по той или иной причине довольствуется облегченным подходом к изображаемому, подменяет реальные жизненные проблемы и характеры «сочинительством», увлекается всякого рода эффектами, а в конечном счете — игрой в жизнь, игрой в литературу. Доказательств тому, к сожалению, немало. Повесть «Дзерь» — одно из них.

В. САВИН